

Н.И. Никулин

**РОССИЙСКИЕ ОНИМЫ
В КОНТЕКСТЕ ОТКРЫТИЯ ВЬЕТНАМОМ
ЗАПАДНОГО МИРА
(ПО СОЧИНЕНИЯМ ВЬЕТНАМСКИХ АВТОРОВ
XVIII – НАЧАЛА XIX в.)***

Ранние этапы формирования в культуре одного народа системы топонимов, обозначающих географические объекты другой страны, имеют важное значение в культурно-историческом аспекте. Нельзя не заметить признаков внимания вьетнамцев к далекой, неведомой для них стране в подчас труднораспознаваемых топонимах и упоминаниях легко угадываемых городов России, названия которых, однако, не даны в сочинениях вьетнамских авторов середины XVIII – начала XIX в. В них, как оказалось, можно обнаружить (после тщательных сравнительных штудий) гидронимы, обозначающие водные объекты на территории России, в том числе связанные с Волгой и реками ее бассейна.

Географическая удаленность от Вьетнама стран Европы (в том числе России), безусловно, долгое время резко затрудняла контакты между ними, из-за чего вьетнамцы не имели самых элементарных знаний об этих государствах: даже сотни лет спустя после эпохи Великих географических открытий такие представления оставались смутными. Кроме того, в истории культурных контактов Вьетнама с Европой с той или иной степенью остроты возникала проблема «взаимопереводимости» культур¹. «Наличие именно культур (а не просто одной и единой культуры), – пишет В.Н.Топоров, – уже предполагает их "разность", разнообразие и, очевидно, разные типы соотношения "своего" и "чужого" и по характеру, и по степени близости-удаленности, два полюса которой – *тождество и различие*»².

Взаимное познание вьетнамской и европейской культур проходит разные этапы, и в его истории период второй половины XVIII – начала XIX в. занимает особое место как время ускорения этого процесса. Если в Европе тогда появляется ряд серьезных трудов о Вьетнаме³, то в нем самом нарождается и крепнет интерес к Европе (как позитивный, так и негативный). Этот интерес находит отражение в трудах вьетнамских авторов⁴, на страницах работ которых можно обнаружить европейские топонимы и антропонимы. Важно уяснить, какими путями, в какой культурно-исторической атмосфере и, не в последнюю очередь, в каком фонетическом облике, чем и как обусловленном, входят они во вьетнамские тексты того времени и какие процессы в культуре Вьетнама, в его отношениях с внешним миром они представляют.

Прежде всего можно констатировать, что в изучаемый период расширяющиеся землеведческие горизонты Вьетнама приводят там к изменению общего понятия о мире, точнее – о Земле. В странах дальневосточного культурного ареала посредниками, передававшими весьма выборочно европейские научные знания, в частности географические, были миссионеры-иезуиты. В 1601 г. в Пекин приехал будущий основатель католической миссии в Китае Матео Риччи (1552–1610), сумевший войти в доверие к императору династии Мин (1368–1644) Шэнь-цзуну (правил в 1573–1620 гг.). М. Риччи стал придворным астрономом и астрологом, положив начало длительной традиции: около двух веков при императорском дворе Среднего государства в качестве астрономов и астрологов состояли отцы-иезуиты⁵.

Важно отметить, что их трудами на китайском языке пользовались в странах дальневосточного культурного ареала. Знаменитый вьетнамский ученый и эрудит Ле Куй Дон (1726–1784)⁶ в своем обширном труде «Стела до облаков с разделением на

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Восточного фонда (Fundação Oriente). Лиссабон.

главы», представлявшем собой компендиум различных знаний, указывал, что эти иезуиты (*Зато хойши*) «преодолевали дальний путь в сто тысяч ли⁷, плыли по морю девять лет»⁸, впадая в явное преувеличение относительно длительности и дальности морского пути из Европы во Вьетнам. По словам Ле Куй Дона, они привезли с собой «астрономическую трубу», хронометр, секстант и другие приборы. «Рассуждают они о вселенной, об астрологии обстоятельно»⁹, – заключал вьетнамский ученый.

Именно с отношением к европейской науке с самого начала оказался связанным во Вьетнаме вопрос о накоплении положительных знаний и утверждении права на самостоятельное мышление. «Книги людей из Тэйзыонга (Западноокеании. – *Н.Н.*) появились в самое позднее время, мысли их необычайны, – утверждал Ле Куй Дон. – Они многоопытны, в измерениях умелы, потому китайцы всецело в том им доверяют и не смеют их порицать»¹⁰. Сама позитивная оценка европейских знаний во времена Ле Куй Дона была смелым шагом, поэтому он стремился сослаться на авторитеты, в частности на эдикт китайского императора Цинской династии Ши-цзуна (правил в 1723-1736 гг.), в котором, например, говорилось: «Учение Западноокеании обожевляет Господа Небесного, т.е. не следует обычному. Но они (иезуиты. – *Н.Н.*) хорошо разбираются в астрологии, потому государство (китайское. – *Н.Н.*) их используют»¹¹. Для Ши-цзуна главными были астрологические предсказания.

Ле Куй Дон же делал акцент совсем на другом. «Мы, – говорил он о себе, – по обыкновению читали их (иезуитов. – *Н.Н.*) книгу "Учение о карте Земли" и видим, что рассуждают они по части описания земель, о земном шаре, о горах, реках и морях, приливах и отливах, ветрах и дождях в большинстве случаев истинно»¹². Упомянутый здесь труд «Учение о карте Земли», написанный по-китайски, принадлежит перу (точнее, писчей кисти) иезуита Фердинанда Фербиста (1623–1688)¹³, который приехал в Китай сразу после маньчжурского завоевания, в годы правления первого императора новой Цинской (Маньчжурской) династии (1644–1911) Ши-цзу, т.е. в 1644–1662 гг., и служил придворным астрономом и астрологом. Очевидно, к его труду Ле Куй Дон отнесся с большим интересом и вниманием.

Хотя вьетнамский ученый мыслил в русле конфуцианского учения, он тем не менее пытался обосновать право на усвоение европейской науки. Так, по космологическим представлениям того времени, идущим из древности, считалось, что квадратная Земля подвешена в пространстве за четыре конца, а над ней – круглый небосвод. Сохранившиеся старинные каменные надгробия воспроизводят эту модель: сферическая поверхность накрывает квадрат. Ле Куй Дон же, касаясь шарообразности Земли (повидимому, он сознавал, что его толкование изречения Кунцзы, т.е. Конфуция, здесь – явная натяжка), писал: «Мы знаем, хотя Кунцзы и не говорил определенно, что Земля круглая, но, читая изречение "Четыре угла не скрывают все", можно понять его в этом смысле. А посему рассуждение людей Западноокеании о шарообразности Земли не ново»¹⁴.

Для понимания хода мыслей Ле Куй Дона чрезвычайно важно отметить его позицию: с одной стороны, он с интересом воспринимал новое, идущее из Европы, а с другой – с почтением относился к традициям конфуцианства. Поэтому он доверчиво цитировал китайскую книгу, сообщавшую такие «достоверные» сведения о Европе: «В тех краях во множестве водятся носороги, слоны, тигры, пантеры; люди живут охотой; выращивают также зерновые, зелень и клубневые»¹⁵.

Эта информация не вызывала у Ле Куй Дона сомнений, потому что она была идеологизирована на конфуцианский манер. А китайский автор, у которого вьетнамский ученый заимствовал приведенную выше цитату, руководствовался убеждением, что все не китайцы – варвары, дикари. Именно с такой позиции он и описывал жизнь жителей Европы. Недаром один из основоположников конфуцианства – философ III в. до н.э. Мэн-цзы говорил: «Я слыхал, что китайцы воспитывают варваров, но не слыхал, чтобы варвары кого-либо воспитали».

Приводя эту цитату, китаист И.С.Лисевич приходит к широкому обобщению: «В эдиктах китайских императоров, при упоминании западных соседей Китая,

неоднократно говорится о них как о существах диких, подобных зверям и птицам»¹⁶. Для европейцев не было сделано исключения: известно, что послов европейских держав китайские власти представляли своему народу как посланцев вассальных варварских государств, прибывших к императорскому двору с данью и, стало быть, с изъявлением покорности. Об этом гласили и надписи, сопровождавшие послов. Например, в 1793 г. на кораблях с миссией Макартнея на борту, следовавших по китайским водам, были подняты флаги, на которых красовалось: «Носитель дани из английской страны»¹⁷.

Все это объясняет, почему характеристика Европы, заимствованная из китайской книги, не вызывала сомнений у Ле Куй Дона¹⁸. Тем более, что китайский автор сообщал о Европе и такие сведения, которые Ле Куй Дону были известны и без него (в связи с деятельностью во Вьетнаме католических миссионеров): «Письменность их особая. Народ поклоняется Господу Небесному, [в народе] никто не знает, что есть в Китае учения Конфуция, Шакьямуни, учение о дао (даосизм. – Н.Н.). Господь Небесный – первотворец, он создал человека и все, что есть вокруг. Они (жители Европы. – Н.Н.) возводят храмы, чтобы устраивать общие моления»¹⁹.

Вместе с тем Ле Куй Дон счел нужным поведать о своих сомнениях, когда обратился к сочинению Фердинанда Фербиста «Учение о карте Земли» и заимствовал оттуда некоторые сведения: «Не знаю, истинно ли это, но хотел бы кратко выписать следующее»²⁰. Что же именно вьетнамский ученый взял из указанного сочинения? Это прежде всего представление о четырех континентах на Земном шаре: об Австралии упоминания нет, поскольку во времена Ф. Фербиста капитан Абель Тасман и другие мореплаватели только открывали близлежащие к Австралии острова и не добрались еще до самого пятого континента.

Современный вьетнамский литературовед Нгуен Лок выдвигает предположение о том, что во Вьетнаме Ле Куй Дон «был первым человеком, воспринявшим учение о шарообразности Земли, и, возможно, первым, кто узнал о ее четырех континентах – Азии, Европе, Африке, Америке»²¹. Эта гипотеза может быть с полным основанием подвергнута сомнению хотя бы потому, что по крайней мере с конца XVII в. начинаются, пусть редкие и единичные, поездки вьетнамцев в Европу, где они могли в той или иной мере приобщиться к европейским научным знаниям.

Так, в январе 1688 г., возвращаясь из Сиам в Францию, суперитор иезуитов Ташар взял с собой нескольких вьетнамских катехистов²², которых в ноябре того же года принял папа Иннокентий XI²³. Сам Ле Куй Дон в «Книге записей о приграничном крае», завершенной в 1776 г., сообщал, что встретил в южной части Вьетнама искусного часового мастера по имени Нгуен Ван Ту. Такой специалист и сами европейские часы были тогда величайшей редкостью в этой стране. Из разговора с часовых дел мастером любознательный ученый узнал, что его собеседник «сызмальства учился в стране Голландии, проучился два года – овладел профессией, может очень искусно изготавливать различные часы и подзорные трубы»²⁴. Вероятно, этот вьетнамец знал голландский язык (иначе он не смог бы освоить свое ремесло) и получил в Европе какие-то знания о мире.

Во Вьетнаме с владетельным князем Чинем вел беседы об астрономии иезуит Александр де Роде (1591–1660), названный впоследствии «отцом вьетнамской католической церкви». Он подарил правителю часы с боем, астрономические книги на китайском языке и астрономические инструменты²⁵. Конечно, это лишь отдельные примеры, но их, по-видимому, было много.

Возвращаясь к гипотезе литературоведа Нгуен Лока, следует сказать, что Ле Куй Дон не был, видимо, во Вьетнаме «первым человеком, воспринявшим учение о шарообразности Земли» и узнавшим о четырех континентах. Заслуга его, очевидно, состоит в другом: он тщательно осмыслил и письменно зафиксировал новые географические представления в труде «Стела до облаков, разделенная на главы».

Необходимо заметить, что и после Ле Куй Дона даже элементарные астрономические и географические сведения долгое время мало кому были известны во Вьетнаме.

Так, в самом начале XX в. факт шарообразности Земли все еще не получил общего признания в среде тогдашней интеллигенции – ученых-конфуцианцев. Высмеивая конфуцианского книжника, погрязшего в «ученом невежестве», анонимный вьетнамский поэт того времени писал:

«Земля кругла и движется она,
А он твердит: "Квадратная она и вон стоит
всегда на месте"»²⁶.

Тот же поэт выставлял на посмешище защитников обветшалых идей:

«Еще и не ведают, как зовется
каждая из пяти частей света,
А ругают других дикарями,
считают себя просвещенными»²⁷.

Как же называет Ле Куй Дон каждую из четырех частей света? Поскольку он следует Ф.Фербисту, т.е. европейской традиции, то речь у него идет о номинации в соответствии с этой традицией. Уже самому Фербисту пришлось при передаче в китайском тексте принятых в Европе топонимов (в том числе макротопонимов) осуществить процесс их адаптации, согласно законам фонетики китайского языка и китайской иероглифики. Ле Куй Дон прочитал эти европейские названия, зафиксированные Фербистом в китайских иероглифах, на вьетнамский манер, т.е. воспользовался традиционным вьетнамизированным чтением иероглифов. Причем Фербист (он, по всей вероятности, опирался на опыт своих предшественников – иезуитов-астрономов и астрологов, трудившихся у китайцев в придворной императорской обсерватории со времен М.Риччи) при передаче топонимов, зафиксированных на европейских картах, наглядно продемонстрировал два основных подхода. Он прибегал, во-первых, к топонимической кальке и, во-вторых, к фонетической передаче (достаточно приближительной и искаженной), что теперь и вызывает в ряде случаев дополнительные трудности при попытках их идентификации и этимологизации. Эти два подхода, безусловно, нашли отражение и в тексте Ле Куя Дона.

При калькировании он прекрасно сохранил очень важную в этих случаях семантику как топонима в целом, так и составных его частей. Подобных топонимических калек у Ле Куя Дона немного, например: *Бангхай* (лед + море) – *Ледовитый океан*; *Диачунгхай* (земля + середина + море) – *Средиземное море*²⁸. Эти названия и в русском варианте являются кальками с соответствующих онимов на латыни или в других европейских языках.

Можно предположить, что Фербист, которому следовал Ле Куй Дон, пользовался также и португальскими географическими картами, имевшими в то время высокую ценность. Направляясь в Китай, иезуит Фербист получил в Лиссабоне разрешение на миссионерскую деятельность в странах Востока, соответствующие инструкции и материалы.

Большинство названий европеец передавал в китайском тексте фонетически и со значительными искажениями. Последние еще более усилились от вьетнамизированного прочтения Ле Куя Доном уже искаженных топонимов. В результате названия четырех частей света выглядят следующим образом.

Азия – *Атза* (ср.: кит. *Ясия*), о которой у вьетнамского ученого сказано не без гордости, что «под небесами это самый большой континент, здесь раньше, чем где-либо, народилось человечество, [конфуцианские] святые мудрецы также родились здесь»²⁹. Конфессиональная принадлежность давала знать о себе и при краткой характеристике основных особенностей Азиатского континента. Среди них отмечено, в частности, число расположенных на нем государств – более 100³⁰, что вполне могло соответствовать действительности, если учесть тогдашнюю раздробленность такой

страны, как, например, Индия, а также множество существовавших в то время княжеств, ханств, султанатов, эмиратов и т.п.

Примечательно, что особо выделено *Срединное государство* – *Чунккуок* (ср.: кит. *Чжунго*) – «самое большое», тогда как Япония (*Нятбан*; ср.: кит. *Жибэнь*) вообще не попала в число значительных азиатских стран и была упомянута только в качестве восточной границы Азии³¹. Безусловно, Ле Куй Дон следовал иезуиту Ф. Фербисту, а тот выражал позицию папского престола. Несомненно, начиная с 40-х годов XVI в. в течение целого столетия в папской столице считали Японию важнейшим государством на Дальнем Востоке еще и потому, что миссионеры делали там явные успехи (историки говорят о «католическом веке» в Японии)³². Казалось, была близка христианизация этой страны, после чего менее крупные страны региона будут вынуждены сами принять католичество³³. Но в 1639 г. всех европейцев выдворили из Японии, а ее правители начали последовательно проводить политику «закрытых дверей». Негативное отношение к этой стране стало естественной реакцией Ватикана. Возможно, в тексте Фербиста, а вслед за ним и Ле Куй Дона нашли отражения эти настроения.

Между тем знаменательно, что макротопоним *Атэа* (Азия) прижился во Вьетнаме. В начале XX в. он, например, зафиксирован в названии популярного произведения анонимного поэта «Атэа ка» («Песнь Азии», 1906 г.): оно составлено из *Атэа* + *ка* (песнь). *Атэа* можно найти в «Кратком ханьско-вьетнамском словаре» Дао Зюи Аня, изданном в 1932 г. (стереотипное издание – 1951 г.)³⁴. (Мы будем называть его для краткости словарем Дао Зюи Аня). Фактически указанный макротопоним в современном вьетнамском языке употребляется только в сокращенном виде как *А*. В полном виде он воспринимается уже как архаизм.

Африка в тексте Ле Куй Дона обозначена как *Аматлиа* (ср.: современное широкоупотребительное сокращение *Фи*); также указано, что это «третий континент под небесами», «стран там, больших и малых, насчитывается свыше ста, на земле этой много просторных полей»³⁵. Макротопоним *Аматлиа* распространения не получил и во вьетнамском языке не прижился.

«Четвертым континентом под небесами»³⁶ обозначена Америка – *Амаклиза* (этот макротопоним распространения не получил; ср.: современное широкоупотребительное сокращение *Ми*). У Ле Куй Дона упомянуто, что существуют Америка Южная и Америка Северная, которые «соединяются горной цепью, протянувшейся вдоль моря»³⁷.

Мы же особо остановимся на Европе, которая в тексте Ле Куй Дона представлена в качестве «второго континента под небесами» (после Азии) и обозначена как *Эулаба* (ср.: кит. *Оулоба*)³⁸. В такой же форме (*Эулаба*) это слово зафиксировано и в словаре Дао Зюи Аня³⁹. Ныне широкоупотребительным является только сокращение *Эу*.

«Всего на этом континенте расположено свыше 70 стран»⁴⁰, – говорится у Ле Куй Дона (такое число, учитывая, например, огромное множество германских княжеств в то время, вполне правдоподобно). Далее он перечисляет 12 «самых больших стран»⁴¹: *Тэйбания* (*Испания*; современное употребительное, в том числе и в словаре Дао Зюи Аня – *Тэйбанья*⁴²); *Фэтлангсат* (*Франция*; в словаре Дао Зюи Аня – *Фаплантэй*⁴³; там же современное широкоупотребительное сокращение – *Фан*⁴⁴; были употребительны также *Фаланса* и *Фулангса*⁴⁵, ставшие теперь архаизмами); *Дайлиа* (*Италия*; в словаре Дао Зюи Аня – *Идайлэй*⁴⁶; ныне широко распространилось сокращение *И*; в последнее время употребительно *Италия*⁴⁷); *Ниетнимания* (*Германия*; в словаре Дао Зюи Аня – *Дыкчити*⁴⁸; современное широкоупотребительное сокращение – *Дык*); *Онгзалиа* (*Англия*; в словаре Дао Зюи Аня – два макротопонима: *Анькатлэй* и *Анькатьлан*⁴⁹; в настоящее время употребляется сокращение *Ань*); *Балиа* (*Польша*; в словаре Дао Зюи Аня и современное *Балан*⁵⁰); *Фэтландиа* (*Финляндия*; в словаре Дао Зюи Аня и ныне – *Фэнлан*⁵¹); *Дайниа* (*Дания*; в словаре Дао Зюи Аня и современное – *Данмать*⁵²); *Туйэттэа* (*Швеция*; в словаре Дао Зюи Аня и в настоящее

время – *Тхюидиен*); *Натватня* (Норвегия; современное – *Науй*); *Атьлактэ* (Австрия; ср.: устаревшее – *Аодиалёй*⁵³; современное широкоупотребительное сокращение *Ао*).

И наконец, завершает этот ряд тоже очень искаженный фонетически, но все же без особых затруднений идентифицируемый макротопоним *Мактыкхамата*⁵⁴. Идентификации его способствует тот факт, что в течение длительного времени еще в XX в. название столицы России по-вьетнамски передавалось как *Мактыкхоа*⁵⁵, что восходит к китайскому *Мосыкэ*⁵⁶. В последней четверти XX в. по мере расширения взаимных русско-вьетнамских контактов и по мере того, как во Вьетнаме формировалась интеллигенция, хорошо знакомая с русскими языком и культурой, появился вьетнамский астионим, фонетически значительно более близкий к русскому оригинальному звучанию, – *Матскова*, или даже *Маскова*⁵⁷.

Итак, ряд названий европейских стран, приводимый в труде Ле Куй Дона, завершает *Мактыкхамата*, т.е. Московия, как в XVI–XVII вв. было принято в Европе именовать Россию, например, в знаменитых записках Сигизмунда Герберштейна, побывавшего на Руси в качестве посла в 1517 и 1526 гг.⁵⁸ Последний, судя по карте (гравюра А.Киришфогеля 1546 г.), приложенной к его книге, именовал словом *Moscovia* не только страну Россию, но и г. Москву⁵⁹. «Итак, город Московия (*Moscovia*), – разъяснял сам С.Герберштейн, – глава и столица Руссии, и самая область, и река, которая протекает по ней, носят одно и то же имя: на родном языке народа они называются Москвой (*Mosqua*)»⁶⁰.

Таким образом, в 1773 г. благодаря Ле Куй Дону во Вьетнаме, вероятно, впервые был письменно зафиксирован (пусть и в заметно фонетически измененном виде) топоним, обозначающий и Россию (Московию), и г. Москву, имя которого к тому же восходит, как справедливо полагают, к первичному гидрониму (гидроним старше названия города)⁶¹ – названию реки волжского бассейна, на которой стоит одноименный город Москва.

При определении границы Европы и Азии в труде Ле Куй Дона упомянуты два гидронима: *Дайнайха* (р. *Дайнай*) и *Макадотьхо дайхай* (*Великое море-оз. Макадоть*)⁶². Идентификация их представляет определенные трудности, но все же облегчается прежде всего указанием на географическое положение приведенных выше объектов, а именно – у восточных пределов Европы. Учтем, что тогдашние познания о ее границах отличались от современных.

Река *Дайнай* (кит. *Данай*) – это, по всей вероятности, Дон, который на западно-европейских картах обозначался тогда как *Танаис*, что зафиксировано еще у Геродота⁶³. Характерно, что старинные европейские картографы, когда дело касалось экзотических для Западной Европы топонимов, нередко наносили на карту сразу несколько разных вариантов названий.

Это обстоятельство способно помочь нам идентифицировать другой гидроним – Великое море-оз. Макадоть, под которым, как можно догадаться, имеется в виду Каспийское море. Но вся трудность в том, как конкретно этимологизируется гидроним, зафиксированный в труде Ле Куй Дона. Для этого следует прежде всего привести китайское чтение иероглифов, его составляющих: *Мояди*. Поскольку иезуит Фербист пользовался европейскими, предположительно португальскими, картами то *Мояди* можно этимологизировать, имея в виду, что это словосочетание восходит к названию на португальском языке или латыни. *Мо* (вьетн. *мак*) – это португальское *mar* или латинское *mare* (*море*). Полезно также учесть следующее наблюдение авторитетного специалиста: «В источниках и литературе о Каспийском море и Прикаспийских областях содержится более 70 названий Каспийского моря, произведенных от народов, стран и даже городов, расположенных на его берегу или на недалеком от него расстоянии»⁶⁴. Вероятно, был и гидроним, восходящий к одному из названий Волги.

Например, на карте, приложенной к «Запискам о Московии» С. Герберштейна, даны сразу несколько названий Волги: греч. *Rha*, имеющее источником «*Географик*»

Птолемя, которое предположительно этимологизируется из мордовского (т.е. угрофинского) языка; «татарское» (*tartar*), т.е. тюркское – *Edel* (река); русское – *Volga*. Таким образом, в западноевропейской картографии XVI–XVII вв. бытовали все эти три различных по происхождению гидронима. Приводя тюркское название, обратим внимание на то, что известны его варианты, в том числе чагатайские *Атил, Адил*⁶⁵.

Возвращаясь к компоненту рассматриваемого лимнонима *яди*, можно вполне обоснованно предположить, что он этимологизируется от Адил (Атил, Итиль, Edel), тем более что согласных в конце слога (кроме носового *н* и смягченного *н'*) законы китайской фонетики не допускают: финаль *л* вследствие этого отпала. А во вьетнамском чтении, как мы это уже знаем, *яди* звучит как *адить*. Таким образом, *Макадить* – это *Mar Adil* (Адилское, т.е. Волжское море). Вместо *Adil* могут быть другие варианты тюркского названия Волги, в том числе и варианты, возникшие вследствие его искажения европейцами.

Таким образом, есть серьезные основания в лимнониме, приведенном Ле Куй Доном, не только видеть одно из многочисленных названий Каспийского моря, но и одновременно выявить в его структуре компонент, который представляет собой не что иное, как хорошо всем знакомый гидроним – тюркское название Волги⁶⁶.

Сложными путями проникали во Вьетнам топонимы, обозначающие природные и рукотворные объекты на территории России. Они были различны по своему происхождению и источникам – не только русские, но и тюркские, и мордовские (угрофинские). Собранные воедино европейскими картографами, эти топонимы претерпели процесс сложной адаптации в Китае, а затем и во Вьетнаме, что придало им новый, весьма измененный фонетический облик, из-за чего возникают заметные трудности при их идентификации.

Выше мы упоминали о макротопониме *Тэйзыонг* (Западноокеания; Западный океан; западноокеанский), который употреблял и Ле Куй Дон в значении *Европа*. То же значение, по всей вероятности, топоним имеет, выступая в качестве компонента в названии книги, которая создавалась в конце XVIII – начале XIX в. четырьмя вьетнамскими авторами, – «Тэйзыонг Зато билюк» («Книга потаенного о западноокеанской вере во Иисуса»), хотя современные публикаторы этой книги считают, что окказионально *Тэйзыонг* по тексту может быть идентифицирован с Италией; последнее, однако, представляется спорным.

Совершенно иной характер имеют европейские топонимы и антропонимы, которые мы встречаем в «Книге записей разных дел» вьетнамского пресвитера Филиппе Биня (1759-1832?), написанной по-вьетнамски⁶⁷ и завершенной в Лиссабоне в 1822 г.⁶⁸ Дело в том, что Ф.Бинь по сравнению с Ле Куй Доном – это уже качественно новый тип личности, воспитанной на средневековой культуре Вьетнама, но основательно приобщившейся к европейской культуре на исходе века Просвещения и на пороге века пара и электричества. Вьетнамец Ф.Бинь, вступив в острый конфликт со своим священноначалием (епископами) во Вьетнаме и Макао, в 1796 г. прибыл в Лиссабон искать защиты у португальской короны, которая, согласно папской булле 1508 г., официально считалась покровительницей католиков в странах Востока. Бинь был официально принят при португальском дворе в качестве «посланника христиан Аннама», прожил в Португалии свыше 35 лет и, по всей вероятности, там же похоронен.

Ступив на берег р. Тежу, Бинь был исполнен стремления познать новый для него мир, португальскую культуру и Португалию, в которой он видел представительницу Европы. Символичны его первые покупки из собственных скудных средств в Лиссабоне: португальские книги, увеличительное стекло («чтобы рассматривать карту» – Кн., с.321), подзорная труба. Будучи носителем родной традиционной вьетнамской культуры, он оказался в совершенно иной среде. О европейском быте и культуре Ф.Бинь узнал не через посредников. Ему было интересно в Португалии все – улицы и дома Лиссабона, школы и врачебная практика, одежда и пища, библиотеки и типографии, ветряные мельницы и мануфактуры, внешняя и внутренняя торговля Порту-

галии, лотереи и страховые общества, быт, обычаи и обряды жизненного цикла португальцев, особенно погребальные, и, разумеется, королевский двор, где он был принят и обласкан королем Доном Жуаном VI, а также бурные события в Европе того времени, непосредственно его задевавшие. К тому же, что очень важно, Бинь знал европейские языки – прежде всего, конечно, португальский, а также латынь и испанский; вероятно, мог разбирать итальянские тексты.

Хотя Бинь непосредственно читал европейские карты, он именовал части света не принятыми в европейской науке макротопонимами, а словами, идущими скорее от вьетнамской народной традиции, от разговорного языка, в отличие от Ле Куй Дона, который, как мы видели, вводил европейские названия континентов, но сам, следуя старинному обыкновению, использовал наименование *Тэйзыонг* для обозначения Европы. Бинь широко употреблял другое слово для этого континента – *Фыонг Тэй* (*Запад*), для обозначения Африки – *Фыонг Нам* (*Юг*), Азии – *Фыонг Донг* (*Восток*), Америки – *Тхезай мэй* (*Новый свет*), прибегая к кальке с латыни или португальского. По-видимому, в его номинации континентов сказывалась общая близость «Книги записей разных дел» к стилистике разговорной речи.

Названия стран Европы Ф.Бинь переносил в свою «Книгу» в их португальском фонетическом и графическом облике. Этот новый для передачи европейских онимов принцип был прост лишь на первый взгляд, потому что требовал знакомства с европейскими языками и европейской ономастической традицией. Он, безусловно, являлся весьма перспективным (о чем свидетельствует современная ономастическая практика во Вьетнаме), потому что такая передача исключала сколько-нибудь серьезные фонетические искажения в угоду фонологическим принципам, свойственным вьетнамскому языку. Кроме того, она заключала в себе еще такой существенный момент: передаваемые этим путем онимы оказывались вне вьетнамской фонетической системы музыкальных тонов (во вьетнамском языке их шесть), имеющих смысло-различительное значение.

По указанному выше принципу в «Книге» Биня передаются все названия европейских стран: *Portugal* (*Португалия*), *Ingleterra* (*Англия*), *Prussia* (*Пруссия*) и т.д. Исключение составляет лишь одно название – *Phalansa* (*Франция*). Во Вьетнаме оно широко употреблялось уже в конце XVIII в. и восходит к вьетнамской народно-разговорной фонетической адаптации португальского слова *França* (*Франция*). Это еще одно напоминание о роли португальского языка в странах Южных морей, где он в течение веков играл роль *lingua franca* – языка межнационального общения.

Слово *Russia* в «Книге» Биня употребляется в значениях *Россия*; *русский*. Очевидно, бытовавший в Европе XVI-XVII вв. топоним *Moscowia* к этому времени изжил себя, превратился в архаизм.

В «Книге» Биня легко заметить одну особенность: автор стремился не перегружать текст европейскими онимами, которые мало что говорили тогдашнему вьетнамскому читателю, к которому это произведение и было обращено. Поэтому, например, говоря о столицах европейских государств, Бинь старался не упоминать или очень редко упоминать их названия. Хотя он много повествует о Лиссабоне и своей жизни в этом городе, но в текст «Книги» вставляет слово *Lisboa* (читается *Лижбуа*; порт. *Лиссабон*) в редчайших случаях. Кроме него, он приводит еще названия всего лишь нескольких европейских столиц: *Madrid*, *Roma*, *Paris*.

Вместо же астионима Лижбуа, который, безусловно, должен был бы мелькать все время на страницах его «Книги», Бинь значительно охотнее прибегает к другому, весьма оригинальному и доходчивому (для тогдашних вьетнамских читателей) способу выражения этого понятия – он пишет: *Ke Cho nuoc Portugal* (или окказионально – просто *Ke Cho*). Разберемся в структуре этого топонима. *Nuoc Portugal* – страна *Португалия*. А вот *Ke Cho* (Кетё) требует более пространного пояснения. Дело в том, что большинство населенных пунктов в традиционном Вьетнаме (почти исключительно – деревни) имели обычно два названия: официальное (иероглифическое) и

народно-разговорное с компонентом *ке*⁶⁹. У столицы Вьетнама (современного Ханоя) было в конце XVIII в., да и раньше, официальное название *Thang Long* (Тханг лаунг – *Взлетающий Дракон*), которое скорее свойственно письменной речи и вообще высокому ее стилю.

Разговорная стихия предпочитала неофициальное *Кетё* (*поселение + рынок*; букв. *Рыночное поселение*). Каждое из двух названий выражало разные ипостаси одного и того же города: Тханг лаунг – феодально-государственную, а Кетё – торгово-ремесленную. Для жителей тогдашней столицы и окружающих ее мест, очевидно, было чрезвычайно существенно, что этот город периодически превращался в грандиозный рынок, о чем писал в конце XVII в. английский метис Сэмюэл Барон, утверждая, что город Кетё «может по своей территории сравниться со многими городами Азии; он превосходит большинство из них по количеству населения, особенно в первый и пятнадцатый день лунного месяца, которые являются рыночными днями, или днями большого базара, когда народ из соседних деревень стекается сюда в невероятном количестве»⁷⁰.

У Биня, склонного в своей «Книге» к стилю разговорной речи, чисто вьетнамское ходовое *Кетё* превращается в имя нарицательное со значением *столица*, не имеющим, однако, смыслового оттенка некоторой торжественности, которым характеризуется вьетнамское слово *kinh do* (*столица*), заимствованное из китайского: оно встречается, но крайне редко, на страницах «Книги»⁷¹ (Кн., с.522). Очевидно, чисто вьетнамское, демократичное, «простецкое» *Кетё* Биню было милей. На с.523 «Книги» он употреблял это слово уже во множественном числе, что следует считать неоспоримым признаком использования его в качестве имени нарицательного: «эти кетё (столицы. – Н.Н.) Запада».

О столице России (тоже *кетё!*), но не Петербурге, а Москве Филиппе Бинь упоминает в связи с наполеоновским походом войска «двунадесяти языков» на восток от Немана. Приведем полностью обширную цитату из «Книги», потому что это живой голос вьетнамца, волей судеб оказавшегося тогда на крайнем западе Европы, ставшего современником Отечественной войны 1812 г. и искренне сочувствовавшего и радовавшегося успехам России. И простим ему некоторые оценки, расходящиеся с выводами современной исторической науки, например, о значении русских морозов в разгроме Наполеона: ведь Бинь заносил в свою «Книгу» то, что тогда звучало в лиссабонских разговорах и пересудах, что печатали в «Газета де Лижбуа».

Ф.Бинь писал: «Французский государь решил сам лично двинуться в поход и повести за собой королей и князей – своих родственников вместе с армиями Запада; когда достигли они намеченных мест, то русский государь бой не принял, а повелел отступить; французский государь занял Кетё (столицу. – Н.Н.), множество провинций и думал уже, что дойдет до самого Китая; ежедневно слал он донесения, что, мол, достиг такого-то [города], добрался еще до другого, захватил одну провинцию, потом – другую. Руссия делала вид, что напугана, потому что не была расположена дать сражение летом, намеренно дожидаясь зимы, потому как там бывают такие жестокие морозы, что люди Запада их не выдерживают; осечки здесь не вышло: Руссия тогда нанесла мощные удары – кому хотели [они], тому рубили голову, кого хотели взять в плен, того захватывали, потому что у воинов Запада коченели руки и не могли держать сабли⁷², потерпели [они] поражение, потеряли все войско и много генералов. Дальние короли и князья тотчас сбежали, а Бонапарте кинулся в Фалансу (Францию. – Н.Н.); тогда русский государь с войском, преследуя его, вошел в Кетё город Париж» (Кн. с. 210–211).

Париж, «город-светоч», прагматичным Бинем превращен в *рыночное поселение*, как и Москва. Вероятно, неслучайно в «Книге» повторяется этот снижающий статус «города-светоча» ономастический комплекс (*Кетё город Париж*). Францию, особенно наполеоновскую, Бинь, мягко говоря, недолюбливал. Тогда как *Кетё*, употребленное для обозначения Москвы, звучало нейтрально. Вряд ли Бинь знал, что в те времена

Москва имела репутацию именно крупного торгового центра с оживленной уличной торговлей и название кетё не так уж противоречило ее тогдашней сути.

Точно так же торговлей особенно славился тогда город в России, который тоже не имеет номинации в «Книге», но который можно легко идентифицировать в силу его уникального географического местоположения и функций в российско-китайских торговых отношениях того времени.

Биня, безусловно, занимали международные связи, в частности российско-китайские взаимоотношения. Он с позиций мудреца судил об обстановке непрерывных военных столкновений и политических интриг в Европе эпохи наполеоновских войн, которая была высшим пиком в истории «бесконечных семейных ссор»⁷³ западноевропейских стран, по выражению Арнольда Тойнби – одного из замечательных представителей западной историософии. Бинь противопоставлял европейским неурядицам мирное сосуществование двух соседей – Китая и России: «Государь страны Великая Мин»⁷⁴ (Китай. – *Н.Н.*) и российский государь уважают друг друга, не то что западные (европейские. – *Н.Н.*) страны, которые то воюют друг с другом, то мирятся будто в Аннаме (Вьетнаме. – *Н.Н.*) мальчишки, пасущие буйволов» (Кн., с. 179). В этом высказывании автор, пожалуй, достиг уровня мудрости, заданного многовековой традицией этико-политической мысли стран Дальнего Востока, а приведенный для сравнения образ из вьетнамского деревенского быта придает его словам колорит и резкость⁷⁵.

Линию правителей России на поддержание мира с Китаем, которую вполне разделяли при императорском дворе в Пекине, Бинь уловил очень чутко. Напомним, что в те времена императрица Екатерина II писала о китайском императоре, по ее выражению, как «о моем милом и церемонном соседе с маленькими глазками». Писала шутливо, но с определенной политической симпатией. И позднее царское правительство придерживалось той же политики. Романист Н. Задорнов имел основания приписать Николаю I категорический приказ, адресованный генерал-губернатору Сибири Н.Н. Муравьеву: «Помни, Россия и Китай должны жить в вечном мире!»⁷⁶.

А мир обеспечивает взаимная заинтересованность в выгодной торговле – эту мысль точно выразил Бинь в своем рассуждении о Кяхте и ее значении, хотя астионим *Кяхта* в его тексте отсутствует: «Народу в царстве русского государя 50 миллионов, его земля граничит со страной гуннов (хунгно)⁷⁷, потому этот государь основал в приграничье город, чтобы люди страны Великая Мин и люди хунгно приезжали туда торговать с народом его (русского государя. – *Н.Н.*); причем обе стороны получают выгоду и никогда не враждуют друг с другом» (Кн., с. 179). Эти рассуждения Биня удивительно перекликаются с мыслями его современника А.Н. Радищева, изложенными в «Письме о торге китайском», написанном в сибирской ссылке. Последний утверждал, что русско-китайская торговля по объему значительно превосходила кантонскую торговлю англичан, португальцев и французов.

Некоторая идеализация русско-китайских отношений у Биня, вероятно, была вызвана его размышлениями о возможности сосуществования и мирного сотрудничества европейского и азиатского государств. Он пытался тем самым осмыслить пограничную роль России в отношениях со странами Азии. Этот «посланник христиан Аннама» смотрел далеко в будущее.

С размышлениями Биня о позитивной роли России в эпоху наполеоновских войн связано упоминание в «Книге» русских антропонимов.

Русские антропонимы, встречающиеся в работе Биня, – имена одной царицы и двух царей. Они представляют здесь три различные национальные ономастические традиции. Екатерина II (*Catharina*) упомянута как мать цесаревича Павла. Ее имя перенесено в «Книгу», по-видимому, из итальянского текста, рассказывавшего о приезде цесаревича в Рим, где он был принят папой Пием VI и подарил его святейшеству шубу. Бинь счел нужным указать, что «обо всех этих событиях напечатано в книге, дабы под небом все о них ведали» (Кн., с. 175). Павел упомянут еще и в связи с суворовским итальянским походом (Кн., с.175). Форма его имени в «Книге» – *Bao Loc*

представляет собой вьетнамизированную адаптацию португальского Paulo. А имя чаще других упоминаемого в «Книге» Биня Александра I, антагониста Наполеона (*Bonaparte*, как весьма неуважительно именовал его Бинь), дано во французском варианте – *Alexandre*.

Таково разнородное происхождение русских антропонимов в «Книге» Биня. Оно демонстрировало широту европейских источников информации, к которым прибегал Бинь.

Суммируя сказанное, можно констатировать, что уже во второй половине XVIII – начале XIX в. во вьетнамской ономастической системе сформировались разные принципы и подходы в усвоении европейских онимов, оказавшиеся актуальными также и в XX в. Тогда же вьетнамцы начали впервые осваивать некоторые весьма важные русские топонимы и антропонимы.

Примечания

¹ См.: *Топоров В.Н.* Россия и Япония на встречах путей // Народы Азии и Африки. 1989. № 5. С. 47.

² Там же.

³ Назовем в качестве примера несколько книг: *Richard.* Histoire naturelle civile et politique du Tonkin. V. I-II. P., 1778; *Barrow J.* A voyage to Cochinchina in the years 1792–1793. L., 1806; *Bissachere (de La).* Etat actuel du Tonkin, de la Cochinchine et des Royaumes de Cambodge, Laos et Lactho. V. I-II. P., 1812.

⁴ Отметим знаменательное совпадение: в Европе в это время формируются представления о мировой культуре и мировой литературе. В рукописях Гёте термин *Weltliteratur* (мировая литература) появляется в 1827 г. В 1817 г. Гёте работает над «Западно-восточным диваном», в котором стремился, по его словам, «радостно связать Запад и Восток». См.: *Кессель Л.М.* Гёте и «Западно-восточный диван». М., 1973. С. 29.

⁵ См.: *Rodrigues, Francisco.* Jesuitas Portugueses Astronomos na China (1583–1805). Porto, 1925.

⁶ Ле Куй Дон своим интересом к европейской науке особо выделяется среди вьетнамских ученых эпохи средневековья. Он ездил с посольством в Китай, где встречался со многими образованными людьми Китая и Кореи, в том числе с Хон Гэхи, видным деятелем корейского движения *сирхак* («за реальные науки»). Возможно, из Китая он привез ценные книги, в том числе европейских авторов, на китайском языке. Как все образованные люди Вьетнама, он писал стихи, ритмическую прозу, но славу ему доставили его научные труды по истории, географии, философии. Он составлял различные сборники и антологии.

⁷ Ли – китайская мера длины, более 500 м.

⁸ *Le Quy Don.* Van dai loi ngu (Стела до облаков, разделенная на главы). Т. I. Ha-noi. 1962. Тр. 180.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Ibid. Тр. 95–96.

¹¹ Ibid. Тр. 180.

¹² Ibidem.

¹³ Иезуит Фердинанд Фербист выступал под псевдонимом Наньхуайжэнь. См.: *Cao Xuan Huy.* Loi gioi thieu (Предисловие) // *Le Quy Don.* Op. cit. Тр. 31.

¹⁴ Ibid. Тр. 88.

¹⁵ Ibid. Тр. 177.

¹⁶ *Лисевич И.С.* Среднеазиатские влияния в китайской классической литературе // Изучение китайской литературы в СССР. М., 1973. С. 11.

¹⁷ История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974. С. 188.

¹⁸ Странную форму принимали в XVI–XVII в. и традиционные связи Китая с соседними странами. «Эти связи феодальные правители Китая по-прежнему строили в духе господствовавшего конфуцианского представления о неизменном превосходстве "Срединного государства" над другими, якобы "варварскими" народами. Мирные контакты с соседями минский двор рассматривал как отношения с "вассалами", а торговлю с ними – как присылку "дани" и ответные подарки "сына неба"» (История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970. С. 469).

Характерно, что китайцы крайне неохотно признавали общую конфессиональную принадлежность представителей соседних народов к конфуцианству.

¹⁹ *Le Quy Don.* Op. cit. Тр. 177.

- ²⁰ Ibid. Tr. 180.
- ²¹ *Nguyen Loc*. *Le Quy Don // Tu dien van hoc* (Литературный словарь). Т. I. Ha Noi, 1983.
- ²² Катехист – духовный сан в католической церкви некоторых восточных стран; катехисты преподавали катехизис – наставление в христианской вере.
- ²³ См.: *Берзин Э.О.* Католическая церковь в Юго-Восточной Азии. М., 1966. С. 96–97.
- ²⁴ *Le Quy Don*. *Toan tap* (Поли. собр. соч.). Т. I. Ha Noi, 1977. Tr. 328.
- ²⁵ См.: *Берзин Э.О.* Указ. раб. С. 36.
- ²⁶ *Hop tuyen tho van Viet Nam* (Антология вьетнамской литературы). Т. IV. Ha-noi, 1963. Tr. 614.
- ²⁷ Ibid. Tr. 615.
- ²⁸ См.: *Le Quy Don*. *Van dai loai ngu*. Tr. 181.
- ²⁹ Ibidem.
- ³⁰ Ibidem.
- ³¹ Ibidem.
- ³² См.: *Скворцова Е.Л.* «Христианский век» в Японии. К проблеме взаимодействия национальных культур // *Человек и мир в японской культуре*. М., 1985. С. 118–134.
- ³³ См.: *Jacques R.* *Le Portugal et la romanisation de la langue vietnamienne. Faut-il réécrire l'histoire?* // *Rev. d'Histoire d'Outre-Mer*. 1998. Т. 85. № 318. P.21–54.
- ³⁴ См.: *Dao Duy Anh*. *Gian yeu Han-Viet tu dien* (Краткий ханьско-вьетнамский словарь). Т. I–II. Hue, 1932. Этот словарь был в точности воспроизведен факсимильным способом в издании 1951 г. издательством «Миньтан» в Париже. Я пользуюсь именно этим изданием.
- ³⁵ *Le Quy Don*. *Van dai loai ngu*. Tr. 181.
- ³⁶ Ibid. Tr. 182.
- ³⁷ Ibidem.
- ³⁸ Ibid. Tr. 181.
- ³⁹ *Dao Duy Anh*. *Op. cit.* Т. I. Tr. 19.
- ⁴⁰ *Le Quy Don*. *Van dai loai ngu*. Tr. 181.
- ⁴¹ Ibidem.
- ⁴² *Dao Duy Anh*. *Op. cit.* Т. II. Tr. 241.
- ⁴³ Ibid. Tr. 100.
- ⁴⁴ Ibid. Tr. 99.
- ⁴⁵ *Dao Duy Anh*. *Phap-Viet tu-dien* (Французско-вьетнамский словарь). P., 1952. Tr. 1943. Этот словарь был завершен составителем в 1936 г.
- ⁴⁶ *Dao Duy Anh*. *Gian yeu...* Т. I. Tr. 411.
- ⁴⁷ *Глебова И.И., Соколов А.А.* Вьетнамско-русский словарь. М., 1992. С. 790.
- ⁴⁸ *Dao Duy Anh*. *Gian yeu...* Т. I. Tr. 318.
- ⁴⁹ Ibid. Tr. 10.
- ⁵⁰ Ibid. Tr. 20.
- ⁵¹ Ibid. Т. II. Tr. 108.
- ⁵² Ibid. Т. I. Tr. 246.
- ⁵³ Ibid. Tr. 11.
- ⁵⁴ *Le Quy Don*. *Van dai loai ngu*. Tr. 181.
- ⁵⁵ *Dao Duy Anh*. *Gian yeu...* Т. I. Tr. 540.
- ⁵⁶ *Чэнь Чан-хао* и др. *Русско-китайский словарь*. М., 1952. С. 934.
- ⁵⁷ *Глебова И.И., Соколов А.А.* Указ. раб. С. 791.
- ⁵⁸ *Хорошкевич А.А.* Сигизмунд Герберштейн и его «Записки о Московии» // *Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии*. М., 1988. С. 21.
- ⁵⁹ См.: *Herberstein S. von*. *Moscovia*. Weimar, 1975.
- ⁶⁰ *Сигизмунд Герберштейн*. Указ. раб. М., 1988. С. 129.
- ⁶¹ См.: *Фасмер М.* *Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева*. Т. II. М., 1986. С. 660.
- ⁶² *Le Quy Don*. *Van dai loai ngu*. Tr. 181.
- ⁶³ См.: *Фасмер М.* Указ. раб. Т. I. М., 1986. С. 528.
- ⁶⁴ *Логашева Б.-Р.* Из топонимии Каспийского моря // *Ономастика Поволжья. Матер. Седьмой конференции по ономастике Поволжья*. М., 1997. С. 197.

⁶⁵ Фасмер М. Указ. раб. Т. I. С. 337.

⁶⁶ Калмыцкое название Волги Иджил, по-видимому, произошло от тюркского.

⁶⁷ Бинь широко пользовался латинизированной письменностью (*куокнгы*), созданной для вьетнамского языка еще в первой трети XVII в. Орфография Биня более португализирована, чем современная вьетнамская латиница. При написании этой статьи я пользовался факсимильным изданием рукописи Биня: *Philippe Binh. Sach so sang chep sac vies* (Книга записей разных дел). Da lat, 1968. Ссылки на это издание в данной статье даются так: (Кн., с. I).

⁶⁸ Филиппе Бинь оставил большое и ценное рукописное наследие. Оно включает вьетнамско-португальские словари, сочинения по истории Вьетнама и католических миссий на Востоке, стихи, переводы, богослужебные книги, агиографию и др.

⁶⁹ См.: Никулин Н.И. Вьетнамская теонимия: Онг Донг и Фу Донг (Зяунг) // Ономастика Поволжья. Матер. Седьмой конференции по ономастике Поволжья. М., 1997. С. 100–102.

⁷⁰ Цит. по: Шено Ж. Очерк истории вьетнамского народа: Пер. с фр. М., 1957. С. 66.

⁷¹ Для того чтобы подчеркнуть изысканность в стиле поведения жителей столицы Тханглаунга (Кетё), во Вьетнаме и в наши дни ее называют *Чанган* (кит. *Чангань*), как бы сравнивая со столицей Китая эпохи династии Тан (618–906).

⁷² Справедливости ради отметим, что руки коченели не только у солдат наполеоновской армии. Приведем в подтверждение цитату из записок Н.А. Дуровой. Она описывает бой, происшедший еще до Бородины: «Эскадрон наш ходил несколько раз в атаку, чем я была очень недовольна: у меня нет перчаток, и руки мои так околели от холодного ветра, что пальцы едва сгибаются» (*Дурова Н.А. Кавалерист-девица. Происшествие в России // Избр. соч. кавалерист-девицы Н.А. Дуровой. М., 1983. С. 174*).

⁷³ Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М., 1996. С. 106–107.

⁷⁴ Еще Л.Н. Гумилев в сугубо подчеркнутой форме привлекал внимание исследователей к проблеме политизированности этнонимов и названий государств на Востоке. В частности, в Китае при смене династии меняли и официальное название страны, которая получала новое наименование по царствующей династии: при династии Мин Китай официально именовался *Да Мин* (*Великая Мин*; вьетн. – *Дай Минь*). Маньчжурское завоевание Китая было воспринято во Вьетнаме с большой тревогой и весьма негативно. Проявлением этого было то, что, несмотря на новое название (*Да Цин*), Китай продолжали неофициально именовать по-старому.

⁷⁵ К столь же выразительному образу из той же сферы – быта вьетнамской деревни XVIII в. – Бинь прибегнул, осуждая каперство – организуемое и благословляемое государством пиратство в отношении торговых судов. «Когда одна страна враждует с другой, – писал Бинь о странах Европы, – то захватывает в море гражданские суда этой другой страны, направляющиеся торговать, – таков обычай; это, как в Аннаме, когда одна деревня идет драться с другой, захватывает в поле чужого буйвола, разделяет и съедает его; но в таких случаях [у нас] приходится возмещать убытки» (см.: *Philippe Binh. Sach so sang chep sac vies. Тг. 179*).

⁷⁶ *Задорнов Н. Война за океан. Роман. М., 1964. С. 333.*

⁷⁷ Страна *Хунгно* – Монголия; люди *хунгно* – монголы.

N. I. N i k u l i n. Russian names in the context of the discovery of the Western world by Vietnam (as based on the works of Vietnamese authors of the 18th – early 19th centuries)

The appearance of Russian names in the works of the 18th – early 19th centuries Vietnamese authors was stipulated by the dramatic expansion of the geographical world vision boundaries in the medieval culture of Vietnam. Belonging to the same time are the main principles of names forming to denote geographical objects and historical personalities of Europe, including Russia, which remain actual to this day.